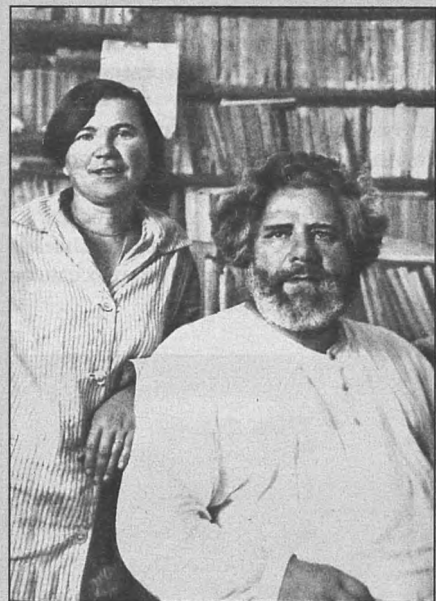

При большевиках он развернул было бурную деятельность. Оставив «обормотов» на Елену Оттобальдовну, отправился в Одессу. Объединил местных художников в профсоюз с малярами: «Пора возвращаться к средневековым цехам!» (При всей абсурдности идеи, в голодные времена это оказалось настоящим спасением для художников.) Потом взялся за организацию писательского цеха. Бегал, сиял, договаривался с властями. На первое заседание явился при параде: в какой-то рясе, с висящей за плечами тирольской шляпой. Мелкими грациозными шажками направился к эстраде: «Товарищи!..» Дальнейшее заглушил дикий крик и свист: «Долой! К черту старых, обветшалых писак!» «Вы не понимаете, давайте же объяснимся», — суетился Макс. На другой день в одесских «Известиях» вышло: «К нам лезет Волошин, всякая сволочь спешит теперь примазаться к нам». Обескураженный Макс вернулся в Коктебель. И с тех пор не любил оттуда выезжать.

В 1922 году в Крыму начался голод, и Волошиным пришлось питаться орлами — их на Карадаге ловила старуха-соседка, накрыв юбкой. Все бы ничего, да Елена Оттобальдовна стала заметно сдавать. Макс даже переманил для нее из соседнего селения фельдшерицу — Марусю Заболоцкую. Маруся выглядела единственным неорганичным элементом этого всетерпи-

Со второй женой Марусей Заболоцкой. 1925 г.

мого дома — слишком заурядна, слишком угловата, слишком забита. Она не рисовала, не сочиняла стихов. Зато была добра и отзывчива — совершенно бесплатно лечила местных крестьян и до последнего дня заботилась о Пра.

Когда в январе 1923 года 73-летнюю Елену Оттобальдовну хоронили, рядом с Максом плакала верная Маруся. На следующий день она сменила свое заурядное платье на короткие полотняные штанишки и расшитую рубаху. И хотя при этом лишилась последних признаков женственности, зато сделалась похожей на Пра. Мог ли Волошин не жениться на такой женщине?

Отныне о гостях заботилась Маруся. Этот дом стал для богемы единственным островком свободы, света и праздника в океане серых советских будней. И были песни, и вздымание рук к небу, и розыгрыши, и вечный бой с приверженцами унылого порядка. Вместо сметенной ис-

торией Дейша-Сионицкой с Волошиным теперь враждовали коктебельские крестьяне — те самые, которые бегали к Марусе бесплатно лечиться. Однажды они предъявили Максиму счет за овец, якобы разорванных его собаками. Рабоче-крестьянский суд обязал Волошина под угрозой выселения из Коктебеля отравить псов. Каково это было сделать ему, который и мухи за всю свою жизнь не обидел?! Все дело в том, что Коктебель стал популярным курортом и местные приноровились сдавать комнаты дачникам. А Волошин со своим непомерным гостеприимством портил весь бизнес. «Это не по-коммунистически — пускать иногородних жить бесплатно!» — возмущались крестьяне. Впрочем, у фининспекции к Волошину была прямо противоположная претензия: там не верили в бесплатность «станции для творческих людей» и требовали уплаты налога за содержание гостиницы.

У «обормотов» был разработан устав: каждого отъезжающего гостя провожать коллективной песней и вздыманием рук к небу. Каждого вновь прибывшего встречать разыграшем

Волошин с женой провожают гостей. 1929 г.
Справа — холм Кучук-Енишар

11 августа 1932 года в 11 утра пятидесятипятiletний Волошин скончался. Он завещал похоронить себя на холме Кучук-Енишар, ограничивающем Коктебель слева, так же как Карадаг ограничивает его справа. Гроб, казавшийся почти квадратным, поставили на телегу: тяжесть такая, что лошадь встала, недотянув до вершины. Последние двести метров друзья несли Макса на руках — зато обещание, данное когда-то Лиле Дмитриевой, было выполнено: куда ни посмотри, и справа, и слева от Коктебеля так или иначе оказывался Макс Волошин.

Овдовев, Марья Степановна Волошина коктебельских порядков не изменила. Принимала в доме поэтов, художников, просто странников. Платой за проживание были по-прежнему любовь к людям и внесение доли в интеллектуальную жизнь...

Ирина ЛЫКОВА